

МОЖЕМ ЛИ МЫ ИЗМЕНИТЬ СОЦИАЛЬНЫЙ КЛИМАТ?

— Каковы, на ваш взгляд, перспективы внедрения медиации в России?

— Вопрос поставлен так, что подразумевается безусловное существование подобных перспектив. Остается лишь расставить какие-то акценты в оценках и определить, хороши эти перспективы или плохи. Но, с моей точки зрения, правильнее было бы говорить о том, что может дать нам медиация — а не о том, какие перспективы она имеет. Будет она развиваться в России или нет — это определяется различными факторами, которые не всегда можно заранее учесть или вывить. А вот вопрос о том, нужна ли нам такая процедура и что она дает — представляется действительно важным. Я думаю, что медиация для нас важна. И попробую объяснить почему.

Я отношусь к людям миролюбивым и всегда считаю, что худой мир лучше доброй ссоры. И если мы говорим о том, чем приходится сегодня заниматься ме-

диаторам, то это, конечно, всегда ситуация определенной ссоры, которую нужно урегулировать. Если люди могут в такой ситуации, вызывающей их несогласия, сами урегулировать свои отношения, то последствия такого урегулирования менее болезненны как для участников конфликта, так и для окружающих — потому что они не связаны ни со стрессом, ни с дополнительными тратами, ни с публичными реакциями. Медиация позволяет с наименьшими потерями

сохранять и поддерживать мир — этой цели служит и судебная система. Действительно, когда мы говорим о стремлении сохранить мир и для этого используем судебные процедуры, мы тоже имеем в виду разрешение спора более мягким путем. Потому что обращение к суду для разрешения конфликтной ситуации означает отказ от употребления методов физического насилия, оружия, камней, палок, ножей. Медиация — еще более мягкий и щадящий метод, и это,

На вопросы журнала «Медиация и право. Посредничество и примирение» отвечает судья Конституционного суда РФ в отставке Тамара Георгиевна Морщакова.

Мы уже достигли того уровня свободы, когда остро нуждаемся в новых методах разрешения конфликтов

с моей точки зрения, определяет ее значение в российской действительности, где люди устали от конфликтов, может быть, больше, чем где бы то ни было. И, поскольку в глубине души каждому из нас хотелось бы, чтобы конфликтов стало меньше, медиация, как инструмент разрешения споров, нужна и полезна для России. Так я думаю.

— Действительно, медиация несет в себе возможность проявления высокой индивидуальной ответственности в разрешении возникающих конфликтов и споров в различных сферах человеческой деятельности. Но как вы думаете, готово ли наше общество сегодня оценить преимущества медиации?

— Вы знаете, я думаю, что в основе отношения к медиации должно лежать не только осознание собственной ответственности (в самом широком понимании этого слова). Ведь как мы себе представляем такую ответственность? Человек должен прежде всего отдавать себе отчет в перспективах того дела, которое он начинает. Если человек начинает спор и хочет разрешить конфликт, независимо от того, какие методы он использует, он должен представлять себе различные варианты последствий. Именно так: сначала он должен представлять себе варианты последствий, а потом уже выбирать ответственное поведение. Потому что, если спор разрешить очень трудно, следует обратиться к разумному, справедливому судье. Действительно, почему в такой ситуации не обратиться к столь замечательной процедуре, которая даже в международных актах называется не иначе, как справедливое правосудие? И кстати, именно говоря о нем, я не могу согласиться с мнением, высказанным в одном из интервью, которое я прочитала в вашем журнале. В нем утверждалось, что чем больше независимы

суды, тем лучше условия для медиации. Думаю, что как раз все наоборот. Мне кажется, что именно при таких условиях, когда государственный суд в России недостаточно соответствует требованиям, предъявляемым к справедливому правосудию, и возрастает значение медиации. Если можно получить в суде справедливое разрешение спора без долгого ожидания, без колоссальных судебных издержек и стрессов — зачем выбирать что-то другое?

— А как же тогда объяснить такое широкое распространение медиации на Западе — в Великобритании, в Германии, в Австрии?

— Это может означать только, что цели медиации в Великобритании и цели медиации (на нынешнем этапе) в России, очевидно, не во всем совпадают. Поскольку к нашему правосудию мы имеем больше претензий, чем англичане к своему, то у нас и мотивы обращения к медиации другие. У нас один из возможных вариантов мотивации — недоверие к судебной системе. Если такое недоверие присутствует (а на это указывают многие социологические опросы), то естественно, что люди начинают искать менее затратные способы разрешения конфликтов. С этой точки зрения можно было бы поспорить и с тезисом о том, что медиация должна иметь какие-то предсказуемые юридические последствия — и тогда к ней будут обращаться чаще. Лично я думаю, что как раз наоборот. Потому что привлекательной тут должна казаться именно возможность договориться, независимо от юридических последствий, которые наступят при государственном способе разрешения спора. А если спорящие будут ориентироваться только на возможные юридические последствия... Кто тогда не прибегнет к медиации? Тот, кто в этом конфликте прав. Или тот, кто считает себя правым. Конечно, такие представления сторон в конфликте

нередко оказываются однобокими. Медиация как раз для того и нужна, чтобы показать участникам спора, что у них есть разные варианты поведения. Одна только уверенность в правоте, которая должна восторжествовать по судебному решению, «потому что я прав и у меня есть все доказательства», вовсе не обязательно будет действительно реализована. Не потому, что суд плох, а потому, что тот, кто спорит, не всегда представляет себе все аргументы в этом споре. Значит, нужны и другие взгляды на ситуацию. И такой «другой взгляд» обеим сторонам конфликта — еще «недозревшего» до суда — может помочь получить именно медиатор. Спорные моменты в оценке медиации, которых я коснулась, не умаляют, на мой взгляд, ее значения, но их обсуждение позволяет расширить границы понимания этой процедуры.

— Согласны ли вы с точкой зрения западных ученых и специалистов, считающих медиацию одним из элементов формирования гражданского общества?

— Да, конечно, представляется, что это бесспорно. Но здесь нужно учитывать те психологические условия, которые необходимы, чтобы идти по пути формирования гражданского общества. В связи с этим я задам вам встречный вопрос. Способствует ли формированию гражданского общества некая мелкая война — кухонная, корпоративная или любая другая?

— Конечно, нет!

— Конечно, нет! Правильно! А почему они тогда возникают, эти войны? Думаю, что не в последнюю очередь из-за недостатка у членов общества некоторых качеств, которые развивает медиация. Очевидно, это взаимная терпимость, правда? Очевидно, нужна способность выслушать другого. Оче-

видно, нужно желание с обеих сторон найти способ урегулирования конфликта. Нужно желание договориться и осознание того, что договориться можно. Но такие качества совершенно противоположны привычному нам пессимизму и ригоризму (который каждый из нас склонен проявлять). Я думаю, что мы в нынешней общественной ситуации страдаем тягой к крайним точкам зрения, а необходимо их сближение. И если медиация научит нас всему тому, о чем мы говорили, значит, она будет способствовать созданию такой атмосферы в обществе, которая приближает нас к умению самостоятельно решать свои проблемы. Может быть, это слишком уж психологический подход, но безусловно, что господствующая социальная атмосфера нуждается в улучшении. И медиация — один из способов такого улучшения.

— Какова, на ваш взгляд, социальная значимость медиации?

— Вы знаете, чем поражает иногда социальная атмосфера у нас в стране? Часто ощущается неприязнь людей друг к другу или настороженность, связанная с ожиданием такой неприязни. И если нам удастся снизить градус этой неприязни и ожидания ее со стороны другого, значит, мы сумеем повысить степень нормальных, добрых отношений в обществе. Это самое важное. Социальный мир. На самом деле его поддержание есть одна из целей официальной юстиции. Но по своим качествам официальная юстиция такова, что отнюдь не всегда приводит к социальному миру. Она зачастую может лишь снять острое проявление конфликта. Но достигнуть социального мира только с помощью средств формальной юстиции, очевидно, не удастся. И конечно, тут свою роль могут сыграть альтернативные методы — и среди них такой, как медиация.

— Может ли внедрение медиации, по Вашему мнению, активно влиять на устоявшуюся практику разрешения споров в различных областях права?

— Пути внедрения медиации уже нащупаны, и ясно, что медиация дает определенный положительный эффект в разных сферах права. В сферах хозяйственных, предпринимательских, корпоративных — безусловно. И здесь она может быть больше популярна, если говорить о России. Но возьмем, например, другие области взаимоотношений — родителей и детей или учеников и учителей. Разве там не требуется какое-то сглаживание конфликтных ситуаций? Безусловно, там эти методы очень бы пригодились. Можно рассматривать и другие правовые сферы, которые касаются не только гражданских споров, но и споров, имеющих в своей основе деяния преступного характера. Разве там нет возможности для того, чтобы перейти к обсуждению ситуации? Понимаете, мы говорим о медиации как о способе разрешения конфликта, но на самом деле она важна и в других отношениях. Медиация может и не привести к разрешению конфликта. Но она всегда может рассматриваться как способ анализа конфликта — и это очень важно, потому что потом результат подобной медиации может получить продолжение в каких-то иных юридических формах. Не обязательно все кончится достижением согласия между сторонами с помощью медиатора. Но рассмотрение ситуации с помощью медиатора заставляет переосмыслить многое и в том числе возможные способы урегулирования спора, разрешения конфликта. Например, возьмем такие уголовные дела, которые касаются несовершеннолетних, т.е. связаны с участием несовершеннолетних, нарушающих уголовный закон, или связаны с тем, что несовершеннолетние являются потер-

певшими. Рассмотрение таких ситуаций с помощью третьего лица — медиатора, не являющегося ни судьей, ни юристом, ни адвокатом, будет полезно, потому что может помочь несовершеннолетним участникам конфликтной ситуации осознать последствия того, что произошло. И тогда уже подросток сможет осознанно выбирать для себя поведение в уголовно-правовом конфликте. Ведь уголовный закон знает такие категории, как раскаяние, заглаживание вреда, но как несовершеннолетнему дойти до таких сложных материй, требующих немалой нравственной зрелости? Здесь нужна помощь. Может ли всегда такую помощь оказать юрист? Конечно, он должен ее оказать, такие требования к нему предъявляются, но хватит ли ему возможностей и времени? Именно поэтому рассмотрение в судах дел несовершеннолетних об уголовных деликтах связано с при-

влечением широкого круга специалистов — психологов, педагогов, разного рода посредников, социальных работников. И все это имеет те же цели, что и медиация — облегчить понимание того, что произошло, чтобы выбрать потом соответствующую реакцию, соответствующую позицию. Не только юридическую, но и человеческую...

Речь идет не о ювенальной юстиции, это лишь один из подходов к ювенальной юстиции, которая предполагает осуществление правосудия судами, специализированными на рассмотрении дел несовершеннолетних. Медиация же — достраиваемое, дополнительное средство к ювенальной юстиции. Это еще один шанс, который дается несовершеннолетним наряду с использованием ювенальной юстиции, а может быть, вместо нее. При этом система ювенальной юстиции представляется наиболее приспособленной к тому, чтобы испол-

зовать методы медиации. Так что существуют разные возможности для медиации в сферах различных конфликтов. И при том не только в гражданско-правовых и уголовно-правовых, но и в социальных конфликтах самых разных масштабов. Не обязательно в масштабах крупных групп, и не для преодоления массовых социальных неурядиц — а, скажем, для разрешения конфликтов в малых социальных группах.

— **Какие основные аспекты, с вашей точки зрения, должны быть учтены при разработке проекта закона о медиации?**

— Я знаю об идее разработки данного законопроекта. Но что значит разработать законопроект о медиации? Нужно сразу определить задачу: какая цель у этого института? Рассматривается ли медиация как некий спаситель-

ный, заменяющий судопроизводство институт? Или в соответствии с международными рекомендациями используется вариант, позволяющий именно судам задействовать инструменты медиации? Это уже более узкая задача. Я знаю, например, о разработке модельного кодекса для использования процедур медиации по делам несовершеннолетних в связи с уголовными деликтами (это называют восстановительным правосудием). Так что можно говорить о разных законопроектах, и они будут иметь разные цели. Но что, с моей точки зрения, главное при разработке подобных законопроектов? Цель этих законопроектов — допустить, открыть двери, снять запреты на использование такого рода методов. Например, в нашей недавней истории существовал (и он очень трудно преодолевается) запрет на привлечение психологов, педагогов, социальных работников в ходе расследования уголовных дел несовершеннолетних. Прокуратура занимала по этому вопросу противоречивые позиции. Одни ее представители говорили: «Нет, мы не допустим в ходе расследования участия таких лиц — это противоречит закону», другие считали возможным использовать такие методы, как неформальный институт. Порой очень важно не мешать участию специалистов неюридического профиля при проведении расследований по уголовным делам несовершеннолетних. Поэтому главное, чтобы закон снял жесткие запреты «не пускать», «не разрешать». Почему нет? Это должно существовать, если это может помочь. И, как показывает опыт, помогает. Другая атмосфера. Ведь часто подростки попадают в ситуацию, в которой они очень мало что понимают. Они не понимают, что происходит с ними, и что делает с ними официальная юридическая система. Конечно, лучше, чтобы они правильно осознавали свое положение

и те угрозы, которые создали своим поведением, в том числе и для самих себя. И помочь в этой ситуации несовершеннолетним — не только благородная, но и социально полезная задача.

Медиация и в области восстановительного правосудия, и в области ювенальной юстиции действительно представляет собой важную профилактическую меру. Мне хочется привести по этому поводу мнение одного английского полицейского, активного сторонника восстановительного правосудия с участием психологов и социальных работников. Когда мы, русские юристы, приехавшие познакомиться с опытом примирительных процедур, допытывались у него, зачем ему это, он очень четко, со своей позиции полицейского служащего, объяснял: «Чтобы таких конфликтов у меня было меньше». Так что это апробированный метод профилактики, и, главное, действенный метод — поскольку он основан не на внешнем устранении какой-то конфликтной ситуации, а на понимании ее внутренних причин, мотивов, на осознании недопустимости такого поведения. Он формирует в правонарушителе совершенно нормальную гражданскую позицию. Вот почему это действительно.

— **Сегодня, когда в стране растет промышленное производство, неизбежно возникают проблемы, связанные с защитой окружающей среды, часто провоцирующие конфликты с вовлечением различных социальных групп. Считаете ли вы, что медиация в подобного рода спорах могла бы успешно применяться в условиях нашей страны?**

— Думаю, да. И здесь мы должны уже не искать ответ на вопрос, полезна ли медиация, а думать, как это организовать, как сделать так, чтобы медиация была допущена в эту сферу споров. Представьте себе стороны в подобном

конflikте. Если взять, скажем, только производственную сферу, которая приносит какие-то экологические бедствия для людей, — это будет лишь частью картины. Ведь в развитии этого производства, как правило, заинтересована власть. Она выделяет земли и ресурсы для экономического развития. И конфликты чаще возникают не с теми, кто загрязняет окружающую среду в ходе производственной деятельности, а с теми, кто допускает такое производство. Тогда уже речь идет о конфликте между властью и гражданами. А власть далеко не всегда прислушивается к мнению граждан. Мы все знаем о таких конфликтах. Вспомним, например, южное Бутово или разрушение старых московских парков в связи с разным строительством. Здесь в тесный узел сплетаются экономические, экологические и социальные проблемы. И конечно, решать их с властью очень трудно, если она смотрит на вопрос только с силовых позиций и не желает услышать другую сторону. Не будет же Президент РФ вмешиваться всякий раз, когда надо спасти, например, не Байкал, а что-нибудь менее грандиозное. Может быть, люди, слишком боясь действий власти, не всегда осмеливаются прямо предъявить ей свои обоснованные претензии. Вот почему здесь необходим посредник, который будет занимать нейтральную позицию — и это не может быть представитель власти или избранный общественностью представитель, потому что каждая из этих сторон будет отстаивать свои позиции. Значит, должен быть какой-то объективный «оценщик», который сможет объяснить недостатки категорических решений, убедит принять во внимание мнения другой стороны и поможет найти какой-то компромисс.

— **Тамара Георгиевна, а какие шаги нужно предпринимать, чтобы подобные институты сформировались в России?**

— Такие шаги предпринимаются, и есть энтузиасты этого дела. Главное — нужно, чтобы те, кто идет на встречу, не мешали пройти. Часто именно неправильное представление о том, будто нормально действующее законодательное регулирование должно исключать все, что в законе не оговорено, препятствует внедрению таких методов. Они же не являются запрещенными и, значит, могут использоваться. Восстановительное правосудие в области деятельности судов для несовершеннолетних у нас может внедряться одновременно с самими этими судами. И не надо заставлять эти две задачи конкурировать между собой, потому что тогда встает вопрос о том, что лучше и эффективнее. А стране нужно и то и другое. Поэтому, когда мы говорим о внедрении таких механизмов, как восстановительное правосудие и ювенальная юстиция, главное — не противопоставлять их друг другу, не заставлять их сторонников обязательно выбрать что-то одно. А соединять их усилия. Так же и при разработке законопроекта о медиации в дополнение к возможностям внесудебных процедур необходимо сохранять для сторон конфликта, прибегнувших к медиации, перспективу возвращения в любой момент до исполнения соглашения к судебному разрешению спора, а для судов — ресурс подключения специалистов в области медиации, если стороны не исключают такую альтернативу судопроизводству.

— Можем ли мы в этой области использовать опыт западных стран — Великобритании, Германии, Австрии?

— Разумеется. Более того, я считаю, что мы практически во всех областях права можем использовать опыт западных стран. Другое дело, имеются ли у нас определенные условия, характерные для адептов данного опыта за

рубежом. Исходя из наших особенностей, надо уже подстраивать данные методы под российскую специфику.

— Проблема бытового насилия существовала всегда, но в последние годы, к счастью, во многих странах она перестает быть табуированной темой — и часто для ее решения специалисты используют в своей работе медиацию. В нашей стране сегодня, к сожалению, нет такого подхода, не существует и система подготовки таких специалистов. Какой, по вашему мнению, должна быть роль государства в этой сфере?

— Мне кажется, что здесь прежде всего имеет значение общее отношение к насилию в государстве и обществе. Пока в государственных структурах не будет реализовываться и обеспечиваться конституционное требование об уважении достоинства личности, мы вряд ли сможем прийти к ненасилию в быту. Пока государство рассматривает человека как объект, по отношению к которому любая власть может вести себя без должного уважения, и пока государственные инстанции будут считать, что они имеют право на насилие, вряд ли мы сможем быть убедительными, пропагандируя партнерские ненасильственные отношения в других ячейках общества, в том числе и в такой, как семья. Начинать все-таки нужно с государственной охраны достоинства личности. А дальше, конечно, имеет значение социальная психология, идея терпимости и уважения друг к другу.

— А как не замалчивать факты бытового насилия и как сделать так, чтобы с этим можно было бороться?

— Ну, я должна ответить на этот вопрос просто. А хочет ли государство бороться с бытовым насилием? Допус-

Достигнуть социального мира только с помощью средств формальной юстиции, очевидно, не удастся

тим, люди идут в милицию, чтобы рассказать об этом. Они уже преодолели в себе серьезный барьер, решились вынести что-то нелицеприятное из своей личной жизни на суд общественности. Что им скажут в милиции? «Пока не убьет — не вмешаемся». Здесь, наверное, нужны надежные социальные структуры (может быть, специализированные), где можно было бы всегда найти поддержку со стороны психолога, и рассчитывать на то, что тебя не бросят в беде. Но кто их будет создавать? Хотя очевидно, что все это необходимо. И было бы, конечно, закономерно использовать медиаторов для разрешения чисто бытовых насильственных конфликтов. Тогда нужны специальные центры, которые таких медиаторов будут обучать, рекомендовать — и куда люди смогут обратиться. Появляются же специальные «горячие линии», и я считаю, что это очень хорошо — если кто-то может хотя бы словами поддержать человека, помочь ему решить проблему. На самом деле такая работа в чем-то близка к медиации. По крайней мере она требует столь же большого терпения и психологической подготовки, чтобы действительно помочь человеку выйти из психологически трудного состояния. Но, мне кажется, этого тоже недостаточно, потому что насилие все-таки кто-то должен пресечь. Речь идет не только о том, чтобы помочь человеку преодолеть ситуацию, в которую он попал в результате насилия, — но о том, чтобы оно не повторилось.

— Существует точка зрения, что если есть воля сторон к достижению соглашения, то они способны договориться сами, без помощи третьей стороны. На наш взгляд, даже при большом стремлении к мирному разрешению спора спорящим нужно получить возможность взглянуть на свои позиции со стороны, что и является одной из причин необходимости

привлечения нейтральной фигуры — медиатора. Хотелось бы узнать ваше мнение по этому вопросу.

— Вы знаете, если два человека доброй воли хотят договориться — они договорятся, но ведь дело в другом. Когда человек попадает в ситуацию спора с кем-нибудь, он не всегда правильно представляет себе позицию другой стороны. И он не всегда может быть объективен по отношению к своей позиции — и к позиции другой стороны. Вот здесь и нужна помощь откуда-то извне — для того, чтобы мирное урегулирование споров стало нормой, а не исключением. К тому же из спора не легко выбраться, не имея специальных психологических знаний и навыков, не имея советника с такими умениями — ведь все знают, как трудно бывает порой остановить спорящих. Это хорошо известно и по судебным процедурам. В суде, правда, могут топнуть — и запретить недолжные высказывания и споры, но это, конечно, не те методы, которые приводят к взаимопониманию. А если мы все-таки хотим прийти к взаимопониманию, значит, здесь нужно помогать, содействовать, пробуждать стремление к компромиссу.

— Как вы считаете, почему именно сейчас в нашей стране возник интерес к альтернативным методам разрешения споров?

— Надо сказать, что Россия не всегда ходит своими собственными дорогами. Эти методы развиваются во всем мире, и, имея возможность смотреть на то, что происходит у соседей, что-то Россия выбирает и для себя как возможное направление развития. Кроме того, мы стали жить в другом обществе — в обществе, где количество конфликтов неуклонно растет. Это не отрицательная черта демократии, просто это сопутствующие ей обстоя-

тельства. Конечно, если всех посадить за решетку и всем все запретить, ограничить права и свободы, то совершенно ясно — конфликтов не будет. Конфликт возникает там, где сталкиваются противоречивые интересы. И мы уже достигли того уровня свободы, когда остро нуждаемся в новых методах разрешения конфликтов. Это нормальное явление. Не свидетельство того, что общество находится в катастрофическом положении — а знак того, что оно развивается.

— Может ли медиация эффективно использоваться с целью урегулирования трудовых споров и для создания благоприятных условий взаимодействия в трудовых коллективах?

— Трудовые конфликты — не исключение, и служба медиации здесь тоже может использоваться. Учитывая природу этих конфликтов и, исходя из тех процедур, которые сейчас применяются для их разрешения, эта область — одна из наиболее расположенных к привлечению медиаторов. Значимость медиации в этой сфере может быть больше, нежели при рассмотрении конфликтов, в которых участвуют не коллективы, а отдельные люди. В области трудовых споров в урегулирование вовлечены стороны коллективных конфликтов. Значит, и у самой медиации появляются особые черты. Медиатор должен помогать целому коллективу, а это требует особых методов работы и особых навыков. Здесь он уже играет сложную социальную роль. Одно дело наладить отношения между двумя людьми, и совсем другое — успокоить большой коллектив. Я думаю, что медиация для этого — хороший способ. Мне известен опыт Германии, где существуют специальные суды по трудовым делам. Эти специальные суды отличаются именно тем, что они пытаются урегулировать конфликт, а не просто предписывают спорящим сторонам какой-то право-

вой выход. Даже интерьер в таком суде организован иначе: сам суд не сидит на возвышении, он находится на одном уровне со сторонами, т.е. как будто за столом переговоров. Понятно, что это близко к атмосфере медиации. Хотелось бы, чтобы у нас тоже обращались к подобным приемам.

Конечно, надо, чтобы и другая сторона — работодатель или руководство предприятия — осознавали, как важно для них прибегнуть к такому способу урегулирования конфликта. Ведь есть разные способы заставить их сесть за стол переговоров — забастовка, другие резкие реакции коллектива на несправедливость предпринимателя... И доводить дело до подобного финала им просто невыгодно.

— Какими профессиональными качествами, на ваш взгляд, должен обладать медиатор?

— Разные мнения на этот счет уже были выражены на страницах вашего журнала. Кто-то говорит о том, что это обязательно должен быть юрист. Я думаю, что это не обязательно. Кто-то утверждает, что если медиатор не представляет себе всех обстоятельств спора как специалист в соответствующей области, ему нечего делать в качестве посредника при урегулировании данного конфликта. Конечно, медиатор должен иметь какие-то представления об области, в которой он помогает разрешить спор, но отнюдь не обязательно обладать именно профессиональными знаниями. Медиатор должен быть психологом и в какой-то степени педагогом. Потому что психолог в конфликтной ситуации нередко исполняет и педагогическую функцию. Другое дело, что это не менторство и не дидактика, а что-то иное. Но именно эти качества, на мой взгляд, наиболее важны. Конечно, медиатор должен владеть и специальными методиками. Но я не могу сбросить со счетов и определенные человеческие

качества. Не каждый человек выбирает для себя профессию медиатора, и не каждый человек годен для того, чтобы осуществлять такие функции, потому что, например, бывают люди, которые любой конфликт только разогревают. А здесь нам требуется нечто совершенно противоположное. И, что очень важно, личные качества этого человека должны вызывать доверие к нему со стороны всех участников спора.

— Насколько значимо в нынешних условиях появление в России специального журнала о медиации?

— Любой специализированный журнал, который не знает в прошлом аналогов, является источником новой информации. Именно это определяет и значимость вашего журнала. Он является источником новой информации. Как она будет использоваться ее адептами, мы не можем предсказать, но несомненно, что любая новая информация помогает людям. Выход такого журнала полезен и тем, кто хочет обратиться к услугам медиатора, и тем, кто сам хочет попробовать себя на этом поприще. Я думаю, для ваших читателей окажется полезным, если вы будете больше рассказывать о конкретных случаях медиации за рубежом. Интересно было бы в качестве примеров освещать и реальные дела, которые благодаря медиации уходят из судебной практики. Здесь, конечно, есть свои трудности, потому что те, кто урегулировал спор с помощью медиации, не всегда стремятся выносить свои достижения на суд публики. И это надо обязательно учитывать. Ведь одно из главных преимуществ медиации как раз в том, что она не на потребу публике происходит. Это не зрелище. Важнейшее преимущество этого метода — конфиденциальность. Но в качестве примеров из практики вполне можно было бы представить те факты и процессы, которые уже были преданы огласке в прессе. ●

Реклама

Adam & Eve
THE
WORLD'S
SEXIEST
HOTEL

now open
paradise on earth awaits...